

АДАМ МИЦКЕВИЧ

<Из лекций в Коллеж де Франс, читаемых в 1842-1844 гг. в Париже>

<...> Карамзин был, так сказать, созданием мартинизма¹. Семейство Тургеневых, познакомившись с молодым человеком, оказало ему поддержку, дав ему средства совершить поездку в Москву и за границу. Хотя Карамзин не вполне примкнул к религиозным идеям мартинистов, но он им обязан серьезным, честным и религиозным характером своих произведений.

В эпоху, когда он издал лучшие свои труды, он примкнул к кружку петербургских литераторов и разделял взгляды французской либеральной школы, состоявшей, по большей части, из русской молодежи, которой, однако, иностранцы давали тон. Эта политическая школа очень мало занималась религиозными вопросами.

Мартинисты первые обратили внимание русской молодежи на немецкий и английский языки, которые до тех пор оставались неизвестными, так как при дворе и в высшем петербургском обществе исключительно господствовал французский язык.

Труды Карамзина имели большое влияние на русское общество. Возбудив общее сочувствие, благодаря сжатому, ясному и простому своему слогу, они, затем впервые затронули чувствительную струну человеческого сердца. Карамзин был первым романтическим (*romanesque*) писателем, восприимчивым к красотах природы и к нежным чувствам; он горячо любил семейную жизнь и литературу. Своею славою он, главным образом, обязан составленной им истории России.

Начал он этот обширный труд в царствование Александра. Он верно оценил тогдашнюю литературу, назвав ее ценною; поверхностному и туманному ее характеру он хотел противопоставить то, что называется серьезною литературою, и добросовестное изучение предмета. С этой именно целью он отчасти и приступил к своей истории. Теперь его обвиняют в том, что он неверно

понял главный ход истории славянских народов, что он не изучил зачатки исторической их жизни, что он искажил некоторые факты, чтобы легче их включить в поставленные себе рамки, что он представлял себе славянские народы в виде правильно организованного государства с царствующим семейством во главе, наконец, что он объяснял древнюю историю России тем, что происходило в его время. Но вопросы, возбужденные впоследствии, оставались тогда неизвестными, и величайшие французские и английские историки совершили те же ошибки.

По слогу Карамзин несколько не уступает ни Гиббону², ни Юму³. В других отношениях он стоит выше этих историков; у него больше души; он правдивее. Вечно бесстрастный Гиббон воодушевляется только, когда он нападает на христианство; в этом отношении его перещеголяли современные историки. Юма мало читают теперь даже в самой Англии. Карамзин, наоборот, остался до сих пор классическим писателем; его историю всегда будут читать, особенно ту часть ее, в которой описывается царствование Ивана Грозного. Описывая эпохи, которые он себе рациональным путем объяснить не мог, он проникся убеждением о непосредственном влиянии Провидения на человеческие дела: вследствие этого он стал серьезнее, а иногда он просто, величественен. В прошлом году я привел вам его слова о чудовище, именуемом Малютой Скуратовым, единственном из любимцев Ивана IV, который избег его жестокости. «Оставался еще один, но главный из клеветов тиранства, Малюта Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, наперсник Иоаннов до гроба; он жил, вместе с царем и другом своим, до суда за пределами сего мира»*. Таких слов не произнес бы ни Юм, ни Гиббон.

Карамзин был первым русским литератором. Его деятельность ограничивалась исключительно литературным трудом; он никогда не стремился влиять на ход государственных дел. Пользуясь благорасположением императора Александра, он имел мужество противоречить этому монарху в важных вопросах. В политике он придерживался бывших тогда в ходу взглядов; вполне разобщая политику с религиею и нравственностью, он во всеулышание провозглашал, что в политике все дозволено. Одно место в одиннадцатом томе его труда, где он прямо называет князя Василия Шуйского мудрым государственным человеком за то, что тот, не начиная войны, стремился вредить союзникам, насколько мог, ясно указывает на дух, царствовавший тогда в ка-

* «История государства Российского», изд. 1821 г., т. IX, с. 208.

бинетах. Этим взглядом на дело честный Карамзин обязан иностранным писателям, которых он очень уважал.

С 1820 г. русская литература всецело переходит на сторону оппозиции... и вскоре раздается голос, который заглушает все это движение и открывает новую эру в русской истории; этот голос принадлежал Александру Пушкину.

Первый стих Пушкина, — стих, исполненный мрачного якобинизма и глухой ненависти ко всему существующему, облетел всю Россию⁴. И вслед за тем имя Пушкина стало лозунгом всех недовольных; стихи его проникли всюду, их комментировали от Петербурга до Одессы, до самого Кавказа.

Что касается до старой литературы, то ее продолжали преподавать в учебных заведениях и ее правил придерживались по-прежнему в книгах; но общество забывало о ней. Перед Пушкиным исчезали Ломоносов и Державин, который уже состарился, покрытый славою и почестями. В то же время новые поэты, как, например, чрезвычайно даровитый Жуковский и Батюшков, отступили на второй план, их произведения высоко ценились, поэтов этих еще очень любили, но ими уже не восторгались; восторг возбуждал один Пушкин.

Пушкин воспитывался в Императорском лицее, которым руководили французы. Классическое образование, которое он получил, было не особенно тщательное, но он много читал, главным образом, французские книги. Он изучал также и сочинения Жуковского, написанные в духе древней славянской поэзии; но он восхищался особенно Байроном. Пушкин стал подражать всему, что было написано до него в России; он писал оды в жанре Державина, но гораздо лучше его; подобно Жуковскому, он подражал древней русской поэзии, но превзошел его как в форме, так и по размерам своих произведений. Затем он стал подражать лорду Байрону, у которого он заимствовал форму и сущность идей. Его герои напоминают Лару, Корсара и других героев великого английского поэта.

Всякий писатель обыкновенно в начале является приверженцем предшествовавших ему школ, он переживает прошлое, чтобы возвыситься до будущего.

Впоследствии Пушкин мимовольно стал подражать Вальтеру Скотту. Тогда много говорили о местном колорите, о том, что в поэзии следует воспроизводить историю. В последних своих произведениях Пушкин еще колеблется между этими двумя тенденциями. Он является то Байроном, то Вальтер Скоттом, но не самим собою.

Самая оригинальная из его поэм «Онегин» — произведение, которое всегда будет с удовольствием читаться во всех славянских странах и останется навсегда памятником этой эпохи — напоминает нам байроновского Дон-Жуана. Будучи еще молодым человеком, Пушкин случайно составил первую часть этого произведения и, постепенно прибавляя новые главы, написал поэту в 8 частях, бесподобную по замыслу и, в особенности, по слогу. В своих поэтических порывах Пушкин не так плодовит, не так богат, не обладает таким возвышенным полетом, как Байрон; равным образом, он не так глубоко знаком с человеческим сердцем, как английский поэт; но, с другой стороны, он менее разбрасывается (*il est plus régulier*⁵), и форма у него тщательнее отделана. Фабула Онегина чрезвычайно проста; это — история двух молодых людей, влюбленных в двух молодых девушек. Один из них падает жертвою поединка, другой сходит со сцены и опять появляется лишь в конце поэмы. Эта фабула слишком проста для длинной поэмы; но, изображая домашнюю жизнь и рисуя картины русской природы, Пушкин неистощим по богатству комических, трагических или романических мотивов. Его слог — чудная проза, которая незаметным образом меняет колорит и форму. От еды он переходит к эпиграмме, и вдруг вас поражают сцены, дышащие почти эпическим величием.

Поэма эта замечательна грустью, более глубокою, чем какая царствует в произведениях Байрона. Пушкин, вскормленный на романах и разделив увлечения своих друзей, молодых и пылких, либералов, испытал жестокие разочарования; он отчаивается во всем великом и прекрасном.

Его героиня, Ольга, — русская девушка, молодая, красивая, воспитанная в деревне. Ее любит офицер со всею страстью и простотою поэта; он трагически погибает, сраженный пулею противника. Героиня выходит замуж за другого офицера и кончает жизнь свою, счастливая и спокойная.

Другая женщина, с пылким сердцем, не читавшая ничего, кроме романов, жившая только в мире фантазий, мечтательная и склонная к предчувствиям, влюбляется в одного денди, байрониста, проводящего жизнь за картами, скучающего и наскучающего другим; она в нем находит свой идеал. Денди относится к ней с пренебрежением и бросает ее. Она выходит замуж за генерала. Русский Чайльд-Гарольд⁶ встречается с нею впоследствии в петербургских салонах. Она счастлива, за нею ухаживают. Тут он влюбляется в эту женщину, которую он некогда отверг; в свою очередь, она его отвергает с холодностью и высокомерием великосветской женщины.

Когда Пушкин писал первые главы своего романа, он, вероятно, не составил себе точной идеи о развязке; иначе он не мог бы описывать с такою нежностью, чистосердечием и силою любовь молодых людей и потом дает повести такой печальный и прозаический оборот.

Изображая в «Онегине» байрониста, Пушкин написал свой собственный портрет. Это был человек, склонный к мечтательности, оригинальный без аффектации, с холодным и острым умом. Таков, действительно, был Пушкин. Другой герой повести, молодой русский, воспитанный в Германии, носящий длинные волосы, поклонник Канта и Шиллера, энтузиаст и мечтатель, отражает в себе известную эпоху Пушкина.

Поэт предсказал свою судьбу! Пушкин, как и молодой Владимир, пал жертвою дуэли, происшедшей вследствие ничтожной ссоры.

Чувство, преобладающее в поэте — ненависть ко всему, что носит название моды, светского тона. Молодые люди искренно любят друг друга, но они вынуждены дуэлироваться; один подчиняется влиянию своего камердинера француза, другой — влиянию крупного чиновника, скучающего в деревне и ищущего развлечения в дуэли. Женщины, по-видимому, не руководствуются иными жизненными правилами, кроме мнения, царствующего в салонных.

Я не буду подробно касаться лирических и драматических произведений Пушкина, так как главная моя задача состоит в том, чтобы отметить отношение, существующее между славянскими и западными литературами, чтобы выяснить общую идею этих литератур.

В то время, как Пушкин писал свою поэму, его друзья продолжали составлять заговоры. История этих заговоров мало известна в Европе.

(Следует изложение главных событий революционного движения двадцатых годов. Между прочим, Мицкевич говорит следующее о взаимном отношении русских и польских заговорщиков. — *Примеч. пер.*).

Поляки признавались друг перед другом, что они хотят только вызвать замешательства в России, чтобы воспользоваться ими, а затем предоставить русским выпутаться из беды, как знают. Русские, со своей стороны, заявляли своим близким друзьям, что, достигнув цели, они приложат всевозможные усилия, чтобы снова завоевать Польшу.

Обе стороны взаимно обманывали друг друга.

(Возвращаясь к Пушкину, Мицкевич продолжает. — *Примеч. пер.*).

Поэт каким-то чудом избег опасности. Получив известие о смерти императора в деревне, он поспешил в столицу, как вдруг на пути ему встретился заяц. У славян это — дурная примета. Хотя Пушкин и был суеверен, но он не вернулся домой. Вслед за тем он встретил старуху, а немного дальше — попа. Тут его кучер слез с козел и на коленях стал его умолять вернуться. Пушкин послушался его. В противном случае, он умер бы с Рылеевым или кончил бы жизнь в сибирских рудниках.

Неудача, постигшая заговорщиков, отразилась и на Пушкине. С этого момента он лишился мужества и политического энтузиазма; это заметно на его произведениях. Он еще не сознается пред самим собою, что он до тех пор заблуждался; но в кружке близких людей он иногда с горечью и пренебрежением отзывается о своих прежних друзьях и их идеях. Между тем, император пригласил его к себе. В первый раз с тех пор, как Россия существует, император беседовал с частным человеком, не имевшим никакого официального повода предстать пред своим монархом. Император высказал ему свои чувства; он сказал, что Россия его ненавидит за то, что он заменил собою великого князя Константина; он почти извинялся перед Пушкиным, что завладел престолом, поощрял его писать и сетовал на него за его молчание. «Если вы спасаетесь цензуры, — сказал он ему, — то я сам буду вашим цензором».

Пушкин был тронут; он ушел сильно взволнованный. Он заявил своим друзьям-иностранцам, что, слушая императора, он чувствовал, что может ему только повиноваться. «Как я хотел его ненавидеть!» — говорил он. «Но за что мне его ненавидеть?». Пушкин не решался высказать этой мысли своим соотечественникам, которые начинали относиться к нему подозрительно. Так как он стал более трезвым в своих чувствах и начал подсмеиваться над чрезмерным энтузиазмом, философскими идеями и либерализмом своих друзей, то возникло подозрение, что он подкуплен правительством. Это подозрение наполняло его сердце скорбью; он думал, что общественное мнение от него отвернулось, что все ему изменили, и стал осыпать своих прежних друзей едкими эпиграммами.

Эти взаимные упреки не были лишены основания. Общество отвернулось от Пушкина не из ненависти к его личности, а потому, что оно в нем уже не находило точки опоры. Оно хотело видеть в своем любимом поэте руководителя общественною совестью или, лучше сказать, общественным мнением. «Ты нам предсказал кровавый заговор, — говорило ему общество, — и слова твои

оправдались; ты предсказал конец романическим и преувеличенным идеям, и вот нас постигло полное разочарование. Что же ты нам предсказываешь теперь? Что нам делать? Чего нам ожидать?». А Пушкин не знал, что ответить на эти вопросы. Вокруг него царствовала полная апатия. Политические идеи прежних лет, исторические воспоминания славянских народов, романические идеи Байрона, — словом все, что волновало славянское цивилизованное общество, было предложено публике и воплотилось в прекрасных поэтических произведениях. Но нужно было сделать шаг вперед, а у Пушкина не хватало на это сил.

Вот чем кончилось современное русское литературное движение. Между поэтами и прозаиками, пережившими Пушкина, встречаются, несомненно, видные таланты; но, собственно, литература кончилась вместе с ним. Столь ненавидимый и преследуемый всеми партиями человек умер и очистил место другим. Кто его заменит? Люди остроумные? Но ведь Пушкин остроумнее их всех вместе взятых? Авторы баллад и сонетов? Но разве Пушкин не написал лучших? Какой новый путь изберут они? Идеи, которых они придерживаются, не дают им сделать шага вперед; русская литература надолго заторможена⁷.

Бросим взгляд назад. Чешские поэты предшествовали всем остальным славянским поэтам. Поляки пошли по их следам в XVI в. и скоро опередили их. В эпоху пробуждения русской литературы русские поэты, по силе, превзошли поэтом польских. Однако, вся эта изложенная на письме поэзия, литература в собственном смысле, до сих пор только подражала Европе; она воспроизвела жизнь европейских народов, опередивших славян в цивилизации. Настал момент, когда славянские народы призваны проявить свою самостоятельность. Дайте нам одну основную идею, одно плодотворное семя! Покровительство монархов, рукоплескания публики, все обыденные средства поощрения литературы не могут нам их дать. Вы видели, что мартинисты, люди темные, благодаря воодушевлявшей их религиозной идее, имели более прочное и плодотворное влияние на русскую литературу, чем всемогущий Петр Великий и высокопросвещенная Екатерина II.

Спрашивается, в какой славянской стране зародится эта новая идея? В России? Ее литература не имеет еще самостоятельного характера. Приведу мнение одного из самых видных русских критиков. Вот что говорит князь Вяземский по этому поводу: «Русский народ добивается собственной литературы. До сих пор литература его была французской, немецкой, романтической, классической, какою угодно, но только не русской»⁸.